

Божья искра

Автор:

Ростислав Паров

Божья искра

Ростислав Паров

Недалекое будущее. Иван Алексеевич Лесин, подающий надежды высокопоставленный чиновник, отправляется в Калужскую область с поручением вернуть в большую науку гения робототехники, Петра Калабина. Пытаясь решить эту задачу, Лесин узнает то, что совсем не должен и не хотел бы знать.

Ростислав Паров

Божья искра

Да простят меня кибернетики, если по части их науки что-то было изложено слишком далеко от истины. Книга не о роботах, она о людях.

Часть 1, недалекое будущее

Раннее теплое лето. Солнечно, но все еще чувствуется весенняя свежесть. Светло-зеленая, недавно родившаяся листва радует глаз и всякого успокаивает: лето еще только началось. Все еще успеется, и все будет. Все будет хорошо!

Примерно так думал Иван Алексеевич Лесин, примерно то же самое ощущали его попутчики – пассажиры экспресса, со скоростью триста километров в час несущего их всех в Калугу.

В Калугу вело Ивана Алексеевича дело. Без преувеличения дело государственной важности. Радость того, что дело это доверили именно ему, омрачала лишь трудность поставленной перед ним задачи. Но Лесин был еще молод, всего год как ему стукнуло тридцать три, а потому вера в собственные силы была у него крепка, позволяя в этот солнечный день искренне радоваться, откладывая все заботы и дела на потом.

Десятки раз Иван Алексеевич с удовольствием прокручивал у себя в памяти события, предшествовавшие его поездке. Сам «Первый», как в администрации Президента называли руководителя страны, вызвал к себе Лесина, по-дружески и с улыбкой пожал ему руку, упомянул о его, Лесина, немалых заслугах и только после этого перешел к поручению.

Ивану Алексеевичу льстило, что «Первый», кого он считал, пожалуй, самым мудрым и достойным из всех известных ему людей, изложил ему суть дела очень подробно. Посвятил в темы и намерения, которые ему, Лесину, по своей должности знать было еще не положено. Это было не только приятно само по себе, но и сулило скорое повышение по государственной службе. Министр или руководитель агентства... В конце концов, людей, которым бы Президент доверял, было очень мало и с каждым следующим годом его правления становилось все меньше и меньше.

Оставалось лишь выполнить это самое задание, ни в коем случае не подвести...

Суть любезно поведанной Ивану Алексеевичу предыстории сводилась к следующему. Аналитики Генштаба с вероятностью девяносто три процента предсказывали начало третьей мировой войны в ближайшие десять лет...

Еще лет двадцать или тридцать назад за такие заявления и прогнозы можно вполне было схлопотать увольнение или прозвище чудака: все-таки ядерное

оружие было исключительно эффективным, являясь мощнейшим сдерживателем для подобных авантюр. Все изменилось с открытием «Антиманхэттена» – вакцины, делающей человека невосприимчивым к радиации. Тогда стало ясно, что ядерный взрыв уже не столь страшен, по крайней мере с точки зрения потерь в «живой силе».

Таким образом ограничитель был снят, а национальные противоречия никуда не исчезли. Жестко подавив исламскую угрозу, Поднебесная заявила о начале новой эры мирового развития – китайской... Соединенные Штаты, все еще удерживающие технологическое лидерство, готовились к последнему бою, собирали союзников, и потому выводы аналитиков Генштаба совсем не выглядели глупыми.

Эксперты склонялись к тому, что, вероятнее всего, Россия выступит на стороне Китая и что решающую роль в новой войне будут играть боевые роботы, или сокращенно – боеробы. Недавние события в Северной Африке показали их высокую эффективность в городских боях: быстрые, точные, исключительно живучие.

На тот день боевые роботы все еще представляли экспериментальное оружие. Действуя самостоятельно, они нередко путали мирных жителей с боевиками, плохо взаимодействовали друг с другом и не умели принимать сложные решения. Когда же ими управляли удаленно, резко снижалась скорость реакции, возникал риск потери или перехвата управляющего сигнала. Пока что боеробы прекрасно выполняли только одну задачу – «уничтожить всех»...

За пять лет до описанных событий Россия была безоговорочным лидером роботостроения. Добиться таких успехов далеко не самой сильной в экономическом плане державе помог незаурядный талант Петра Леонидовича Калабина – жемчужины отечественной науки, обладателя дюжины государственных наград и нескольких сотен патентов в различных сферах науки и техники.

Создания Калабина уже работали на металлургических заводах, на угольных шахтах, убирали московские улицы, попутно давая изумленным иностранцам справочную информацию о городе.

Однако примерно пять лет назад что-то пошло не так. Калабин вдруг оставил кибернетику, ушел из института и скрылся от общества в Калужской области – в своей мастерской-лаборатории, по размеру сопоставимой с машиностроительным заводом среднего пошиба.

С наукой Петр Леонидович не распрощался. За эти годы Калабин зарегистрировал больше двух сотен патентов и изобретений, большую часть которых выгодно продал бизнесу и сколотил тем самым немалое состояние. Заработанные деньги уходили на биржу, приносили ему еще большие прибыли, использовались для новых разработок и новых прибылей.

С патриотической точки зрения самым прискорбным в этой истории был характер новых калабинских изобретений – прикладное программное обеспечение, лампы дневного света, генетически модифицированные семена, сверхпрочные резиновые смеси для автомобильных покрышек... Эти маленькие победы, несомненно, позитивно сказывались на экономике страны, однако, принимая в учет гений Петра Леонидовича, все это выглядело как закапывание его таланта в землю, непозволительное в глазах Родины расточительство.

Со стороны складывалось впечатление, что Калабин хочет всем доказать, что способен к изобретениям и открытиям во всех областях и что человек науки тоже может быть очень богатым.

Все эти годы в Кремле смотрели на калабинские причуды сквозь пальцы. Предполагали, что поиграется, да перестанет, возьмется за ум. Этого не случилось, а потому к нему направились первые посланцы – бывшие коллеги, чиновники и даже артисты, призывающие его вернуться к серьезной науке. Калабин по-русски отправлял их куда подальше, а когда на него попробовали надавить, не на шутку взбесился, заявив, что хоть сейчас готов кончить с жизнью и тогда от него вообще никакого толку не будет.

Все это очень вкрадчиво и предельно серьезно было изложено Ивану Алексеевичу из уст первого лица страны. Теперь была очередь попытать удачу Лесину.

Иван Алексеевич знал, почему выбор пал на него. Еще в пору работы в Министерстве образования (лет около шести или семи назад) Лесин встречался с Калабиным в Сколковском центре – на международной выставке, как раз

посвященной последним достижениям робототехники.

Иван Алексеевич хорошо помнил эту встречу, помнил горящие глаза Калабина, увлеченно рассказывающего ему о том, как работает сконструированный им робот, какие возможности он раскрывает и что в нем обязательно нужно доработать. Все эти рассказы очаровали тогда еще по-юношески романтического Ивана Алексеевича, он жадно расспрашивал Калабина о все новых подробностях, и на следующий же день ученый пригласил Лесина к себе в мастерскую, располагавшуюся в отдаленном селе Калужской области.

За два дня общения эти двое очень понравились друг другу. После Калабин очень хвалил Ивана Алексеевича за любознательность и острый ум. Будучи услышанной министром, эта похвала дала новый толчок к продвижению Лесина, который, без всяких сомнений, вполне заслуживал повышения. Тем не менее многие считали, что именно Калабин сильно повлиял на успех Лесина в бюрократической иерархии.

Как это обычно случается у известных и влиятельных людей, после этой встречи они регулярно поддерживали общение. Правда в последние годы, в силу затворничества Калабина, оно стало совсем редким:

– Только с праздниками друг друга и поздравляли... – непроизвольным шепотом вырвалось из уст Ивана Алексеевича.

– Что вы сказали? – отозвалась незаурядной внешности брюнетка, сидящая напротив Лесина.

Он давно заметил, что брюнетка внимательно и с интересом изучает его. В какой-то момент Лесин даже думал заговорить с ней первым, и он так бы и сделал, если бы мысли о роботах, Президенте и Калабине не поглотили все его внимание.

– Задумался о том, что мы, люди, непозволительно мало общаемся с теми, кто нам нравится, – он улыбнулся своей мягкой лучезарной улыбкой. – Вы так не считаете?

– Согласна! Все время бежим куда-то, спешим...

– И верно! Меня зовут Иван, – он протянул ей руку, давая начало знакомству, а с ним – и новой амурной интрижке.

Лесин был охотлив до женского пола, длительными отношениями себя не обременял и полагал, что в жизни настоящего мужчины женщин должно быть много. На этот раз добыча сама шла к нему в руки, и Иван Алексеевич не мог найти причин, почему он должен от нее отказываться.

– А знаете что, Наталья?! – произнес Лесин, когда поезд почти остановился на платформе калужского вокзала. – Вы мне очень понравились, а я здесь проездом, может, никогда больше сюда не приеду. Давайте с вами пообедаем!? Прямо сейчас вот, с поезда сойдем и вкусно пообедаем! Согласны?

– Если вкусно, то согласна!

– Великолепно! Мне говорили, что в местном «Хилтоне» есть просто шикарное заведение. Подают таких устриц, каких и на Елисейских полях не отведаешь! Идемте!

Иван Алексеевич подал ей руку, и они встали со своих мест.

Обед в ресторане «Хилтона» плавно переключался в номер Ивана Алексеевича в этом же отеле. Через четыре часа он уже расслабленно лежал в своей огромной кровати, обнимал стройное тело своей новой знакомой и по недавно приобретенной привычке выкуривал первоклассную кубинскую сигару.

– Ты всегда получаешь чего хочешь? – приподнимаясь на его груди, спросила брюнетка. Скорость развития отношений сильно смущала девушку. С одной стороны, она понимала, что такие связи не бывают долговечными, тогда как партнер был весьма перспективным. С другой стороны, ей не хотелось казаться в его глазах слишком доступной, а потому недостойной серьезных отношений.

– Нет, конечно, не всегда, – с напускной серьезностью соврал Иван Алексеевич, который полагал, что добивался всего чего хотел так часто, что вполне мог бы ответить «всегда».

– Не всегда?! Да ладно!

Наконец уловив, чего от него хочет услышать девушка, он исправился:

– Ну, я же не Господь Бог. Иногда и осечки выходят... Изредка...

– Ты похож на моего отца.

– Правда? – с усмешкой спросил Иван Алексеевич, польщенный таким сравнением. Ведь для очень многих девушек их отцы (такими, какими они были, когда те были еще школьницами) выступают идеалом мужчины.

– Да! Чего ты смеешься?! Он был таким же... баловнем судьбы, что ли. Все женщины были его, все у него получалось, деньги как будто сами к нему в карман сыпались... А он вроде как не особо и упирался для всего этого...

– Нет, милая, это если и про меня, то лишь в малой части, – не согласился Лесин. – Я из тех, кто всего добивается своими руками... точнее, своей головой. Вот была бы у меня такая же сногшибательная внешность как у тебя...

Иван Алексеевич затушил сигару и, готовый вновь увлечься лежащим рядом с ним телом, повернулся к своей новой знакомой...

II

Из поколения в поколение в провинциальной чиновничьей среде было принято любезно встречать и чествовать находящийся на их земле высокий чин, пусть даже этот чин там был всего лишь проездом.

Приезд Ивана Алексеевича не был исключением. Правда местная администрация слегка оплошала, перепутав день его прибытия. Именно эта оплошность позволила Лесину провести вчерашний вечер в компании молодой привлекательной дамы, а не в обществе дряхлеющей региональной номенклатуры.

Дабы загладить свою вину, вторые лица городской и областной администрации все утро караулили Лесина в помпезном фойе пятизвездочного «Хилтона».

Стоило тому появиться из лифта, как с любезнейшими лицами, одетые в светло-серые костюмы должностные лица рванули ему навстречу:

– Иван Алексеевич!

– Очень рады!

– Что же Вы, так сказать, инкогнито к нам пожаловали?

– Не сочтите за дерзость предложить Вам воспользоваться нашим транспортом...

– Василий Анатольевич очень просил Вас о встрече! Личной, сугубо личной!

На секунду искус воспользоваться комфортнейшим «Фантомом» калужской сборки овладел Иваном Алексеевичем, однако он хорошо знал, насколько дорого потом обходятся эти любезности для чиновничьей карьеры. Другое дело – встретиться с губернатором. По рангу региональные главы почитались чуть ниже министров, а потому такие связи могли быть полезны и самому Лесину.

– Господа, я здесь очень занят буду. Хотя, конечно, от удовольствия встретиться с Василием Анатольевичем отказаться не могу. Пусть он свяжется со мной по приоритетному каналу. Передадите?

– Конечно передадим, Иван Алексеевич! Немедленно передадим! Прямо сейчас же и передадим!

– А как же насчет транспорта? – продолжал упорно представитель городской администрации. – В самом лучшем виде! Доставит куда пожелаете, только скажите!

– За хлопоты спасибо, господа! Транспортный вопрос у меня уже решен.

Маша, миловидная и во всех отношениях расторопная помощница Ивана Алексеевича, заранее заказала ему роботизированное такси бизнес-класса. «Фантому» оно было не ровня, зато без суеты и лишних обязательств.

– А вот и он! – в кармане Лесина раздался протяжный гудок, сигнализирующий о вызове по защищенному внутреннему каналу. – Ответьте, пожалуйста, Иван Алексеевич! Это Губернатор...

Лесин достал из кармана коммуникационные очки («комочки» или «комки», как называла их молодежь) и сделал два шага в сторону, дабы кружащие около него чиновники, осознав элементарные правила субординации, отошли в сторону и дали ему поговорить с губернатором приватно.

Разговор получился коротким. Представший перед зрчками Ивана Алексеевича губернатор не стал долго любезничать и сразу предложил встречу. Человек старой закалки и привычек, он никак не мог свыкнуться с новомодными технологиями – виртуальными переговорными, «комочками», машинами без водителя. Лесин не возражал, хотя к новшествам относился неплохо.

«Все же при реальном общении человека чувствуешь лучше, – сказал он себе и нырнул в учтиво распахнутую перед ним дверь «Фантома». – Главное, чтобы без водки...»

Губернатор встретил его в уютном банкетном зале с единственным обеденным столом на шесть человек. Лебезивших перед Лесиным служащих он властно отправил «исполнять свои обязанности» – не по чину им было присутствовать на этом раннем обеде.

– Ну что, с каким вопросом ты, Иван Алексеевич, в нашу деревню пожаловал? – по-отечески спросил губернатор, садясь за стол.

Василий Анатольевич был почти вдвое старше Лесина и мог без особого риска называть его на «ты»; так он, по крайней мере, считал.

– Да вы, верно, уж и сами догадались, – Лесин неспешно снял со стола салфетку и бережно прикрыл ей манишку своей сорочки.

– Из-за японского демарша, что ли? – не угадал с первого раза губернатор, предполагая, что визит Ивана Алексеевича связан со скандальным отказом японских инвесторов от участия в авиастроительном проекте. – Нет? Значит, из-за Калабина?!

– В точку!

Калужский губернатор прекрасно знал свои немногочисленные слабые места. Область была одним из лидеров экономического роста страны, причем роста ценного – высокотехнологичного. В регионе не было проблем, за которые его могли бы пожурить или тем более наказать. Практически не было...

– Василий Анатольевич, скажите мне, вы же у себя на территории все как свои пять пальцев знаете, – польстил для затравки Лесин, – что вдруг стряслось с Калабиным? Я ж его лично хорошо знал! Помню, как глаза его горели, когда он мне о киборгах своих рассказывал! А тут взял так...

– Эх, Петька наш, Петька... – тяжело вздохнул губернатор, отодвинул свой суп и облокотился на спинку резного, под старину кресла.

Пожилое тело Василия Анатольевича, казалось, совсем не несло на себе отпечатка старости. Большой, широкоплечий, здоровый – могло даже показаться, что густая седина на его голове появилась несколько преждевременно.

– Ты знаешь, – после длительной паузы продолжил губернатор, – грех мне на самом деле на него жаловаться. Налогов уйму платит, слава об области на весь мир... Теперь все знают, что такое Калуга! – он довольно ухмыльнулся. – Вот только встречаться, поросенок, ни с кем не хочет! Был тут канцлер у нас немецкий, ты представляешь, лично прилетел, без всей этой виртуальщины...

– Ну....

– Хотел светило наше увидеть. Нет же – залез к себе «в норку» и даже на вызов отвечать не стал. Чуть скандал не случился, насилу замяли...

– Я слышал, с Седовым тоже нехорошо вышло...

– Ну так еще бы!

Василий Анатольевич громко рассмеялся событию, которое в недавнем прошлом чуть не стоило ему губернаторского кресла. Приехавший на открытие нового

федерального университета премьер-министр велел доставить ему Калабина, без которого «антуражу должного не было», даже привез для вручения профессору орден за заслуги перед Отечеством.

- Тот, как ты понимаешь, «в норку» и молчок. Мы и так, и сяк! А никак! Поместье свое огородил забором трехметровым – и нет его. Баста! А ты ж знаешь, какой Седов у нас обидчивый!? Мол, что ты здесь за хозяин, раз какой-то яйцеголовый не уважает тебя?! Ха!

- Вкуснейшие тут щи, Василий Анатольевич! И как выкрутились?

- Да никак! Вспылил я тогда, – без удовольствия признал губернатор, теряя былую веселость. – Говорю, это тебя он, значит, ни в грош не ставит, раз плевать хотел на твои желания и медали! Ну, а дальше ты сам знаешь...

- Да уж, непросто вам с Калабиным приходится...

- А ты знаешь, Иван Алексеевич, меня все устраивает! Работает как вол, для себя зарабатывает и для региона, для страны. Живет себе скромно, в политику не лезет. На партийные нужды хорошо жертвует. Заперся в своем ангаре? Да и бог бы с ним! Кому ж с того худо?!

Объяснять, что худо с того Родине, Лесин не стал. Разглашать те сведения, которыми лично поделился с ним Президент, он был не уполномочен.

- Ну, скажи мне, Иван Алексеевич, чего вам там в Кремле наш Калабин мешает? Ты же ведь не первый уже сюда едешь? Знаешь ведь, наверное?

- Знаю, Василий Анатольевич...

- И что? Государственная тайна?! Чего не оставите мужика в покое? Взбесится ж – всем худо будет!

- Действительно, сказать всего не могу. Но кое-чем поделюсь. Затеваается сверхважный проект и непременно нужно, чтобы он его возглавил... Это все, что могу сказать.

Губернатор пристально посверлил Лесина взглядом, ожидая, что тот все-таки приоткроет завесу тайны. Лицо Ивана Алексеевича оставалось неподвижным, взгляд твердым. Поняв, что больше сказанного он не узнает, губернатор откинулся на спинку кресла и закурил:

– Эк ведь как в империи у нас получается – раз обладаешь исключительной силой, изволь отдать ее стране... всю без остатка... М-да...

Через полчаса Иван Алексеевич вышел из банкетного зала и тепло попрощался с губернатором. Встреча прошла излишне старомодно, зато душевно.

Калужский руководитель ему определенно нравился – откровенный, сильный, имеющий свое личное мнение, несмотря на длительное нахождение в вертикали государственной власти. Хорошего совета относительно того, как лучше подступить к Калабину, Лесин так и не получил. «Не дави, помягче действуй...» – это все, что сказал Василий Анатольевич вместо наставления.

То, что надо действовать мягче, без прямого давления, Иван Алексеевич догадывался и сам. Научный люд специфичный: у них ни Бога, ни Родины, одна наука. При поддержании постоянных контактов с иностранными коллегами понимание того, где друг, а где враг, у них притупляется. Потому прямые и рациональные доводы, высказанные Президентом, которые самым сильнейшим образом подействовали на Лесина, для Калабина могли оказаться пустым звуком.

Заказанный Машей электромобиль уже поджидал его у входа. Свеженький, недавно с завода, с кучей синих восклицательных знаков, призванных уведомить других водителей, что машина управляется компьютером. Такой транспорт стремительно набирал популярность, но оставалось все еще довольно людей, предпочитающих вести машину самостоятельно, вручную. Преимущественно это упорство было свойственно прежнему поколению, выросшему в автомобильной культуре начала XXI века.

По пути в Тасеевку – молодую деревню, рядом с которой располагалась калабинская мастерская, Иван Алексеевич продолжал обдумывать доводы, которые он сможет предъявить своему старому знакомому. Доводы, которые будут способны вернуть строптивного ученого на путь социальной ответственности.

В распоряжении Лесина было подробное досье на Калабина: родственники, друзья, недвижимость, акции, покупки, операции по банковскому счету, публикации – одним словом, все, что могла собрать служба госбезопасности. Много раз Лесин снимал и снова надевал свои «комочки», чтобы найти в этом досье новые подсказки.

Что больше всего его удивляло, так это скудность переписки и практически полное отсутствие записей виртуального общения за последние четыре года. Исключительно деловая почта и разговоры, редкие вызовы родным с поздравлениями.

Отправляясь в поездку, Лесин спросил об этом сотрудника СГБ, на что тот лишь развел руками и предположил, что Калабин использует специальные механизмы шифрования: «Была б ориентировка на него, расшифровали б. А так – только то, что автоматом собирается».

– Даже если так, зачем ему прятать ничего не значащие разговоры? А может, и не было никаких других разговоров? – спрашивал себя Лесин, не находя вразумительных ответов. – Эдакий старомодный обет молчания...

Из близких родственников у Калабина была лишь взрослая дочь Вера и семилетняя внучка – Таня. С женой в разводе, родителей в живых уже десять лет как нет. Зато дальних родственников у Петра Леонидовича водилось с избытком – двоюродные и троюродные братья, сестры, племянники – их полный перечень тянулся более чем на сотню строк. Никого из них своим вниманием Калабин не жаловал, даже не отвечал на их многочисленные виртуальные вызовы.

– Тут-то как раз все ясно, – бубнил себе под нос Иван Алексеевич, – вокруг богатого человека всегда рота родственничков-нахлебников. Хватило, значит, характера послать их всех на три буквы.

Другое не давало Лесину покоя. На этот нюанс он обратил внимание только сегодня, еще раз пролистывая подготовленное для него досье. За последние пять лет Калабин сделал больше сотни различных изобретений и при этом не опубликовал ни одной научной статьи.

– Выходит, не ради тщеславия, а исключительно из-за денег!?! – вопросительно заключил Лесин и еще раз вернулся к финансовой информации.

Проданные патенты и разработки, а также успешная игра на бирже принесли Калабину очень значительные суммы. В среднем за последние четыре года доходность биржевых операций Калабина составила более ста двадцати процентов годовых. Любой банкир, доведись ему увидеть эти цифры, назвал бы такие результаты фантастическими.

– Точно не тщеславие, – убедил себя Лесин, – но и не деньги тоже!

Иван Алексеевич справедливо рассудил, что рациональная капиталистическая логика вытолкнула бы Калабина в исключительно биржевую специализацию, приносящую ему баснословные прибыли.

– Привлек бы средства инвесторов и через пять лет был в десятке мировых богачей...

Вместо этого Калабин отвлекал значительную часть своего капитала на дорогущее научное и технологичное оборудование. Всевозможные химикаты, протонный ускоритель, сверхъемкие хранилища данных, оборудование для штамповки тестовых микрочипов – чего в этом списке только не было, даже установка для расшифровки фрагментов ДНК.

Иван Алексеевич быстро прикинул, что если списать все эти приобретения на себестоимость научных работ, то их рентабельность будет близка к нулю.

– Петр Леонидович, чего ж ты на самом деле хочешь?! – в сердцах воскликнул Лесин и сорвал с глаз «комочки».

Яркие лучи идущего на закат солнца неожиданного ударили по уставшим глазам и заставили Лесина зажмуриться.

Прибыв на место, Иван Алексеевич оказался около того самого трехметрового забора, о котором говорил ему губернатор. Высоченный, с толстыми прутьями и намотанной кругами колючей проволокой наверху, он создавал впечатление какого-то закрытого объекта.

– Не хватает только табличек «Не подходи! Убьет!» – недовольно пробурчал Лесин.

Он совсем не узнавал «творческую мастерскую» известнейшего в мире ученого, которую он посещал семь лет назад. Тогда это была дружественная, открытая каждому заинтересованному лицу лаборатория. Туда-сюда то и дело ездили машины, грузовички, сновали люди в белых халатах, аспиранты, студенты.

Теперь это был совершенно безлюдный, огороженный высокой стеной объект. Жизнь там, однако, все еще теплилась. Из огромного ангара, по типу тех, в которых чинятся огромные пассажирские самолеты, доносились шумы, из высоких труб выкипал бесцветный, едва заметный глазу, жар. Лужайки большой, гектаров в сорок или пятьдесят территории, были аккуратно подстрижены, асфальтовые дороги – вычищены и отремонтированы. Множество камер на высоких фонарях вертели «головами», отслеживая безопасность периметра.

Центральный вход в калабинские владения, как и ожидал Иван Алексеевич, оказался закрыт. Подергав калитку, он осмотрелся вокруг и, к своему удивлению, не обнаружил никаких средств коммуникации – видеофонов, звонков, тачкомов – ничего не было. На виртуальные вызовы Калабин уже давно не отвечал, а потому перед Лесиным встала проблема – как ему вообще найти свою цель.

Скомандовав электромобилью припарковаться и ждать около входа, он пошел вдоль забора. Солнце припекало, и даже несмотря на легкий ветерок, поднимавший окрестную пыль, Лесин быстро вспотел. Сначала он ослабил галстук, расстегнул ворот рубахи. Еще через двадцать метров снял и сам пиджак.

– Ну и жарница! – недовольно сказал Иван Алексеевич, смахивая со лба, еще не успевшего покрыться морщинами, первые капельки пота.

Расслышав приближающийся издали шум, он остановился. Через минуту показался большой грузовик, везущий в кузове железнодорожный контейнер. Взглядом Лесин проводил проезжающую мимо машину, а когда она остановилась чуть дальше калабинских ворот и начала маневрировать, спешно побежал за ней следом.

Фура ловко развернулась и начала сдавать задом прямо на забор. В ответ на эти маневры часть забора начала уходить под землю, открывая проход в зону разгрузки. Лесин обратил на нее внимание еще стоя у центральных ворот: гигантская клетка с большой экскаваторной клешней сверху.

Когда Иван Алексеевич добрался до грузовика, «дверь» в клетку уже поднялась, оставив фуру вне его досягаемости. К удаче Лесина, грузовик оказался с водителем. Обычно такие использовали, когда маршрут машины проходил через малонаселенные местности, где отсутствовала уверенная связь.

Из кабины выпрыгнул самого обычного вида рабочий – небритый, в синей форме, с изрезанным морщинами лицом. Завидев Лесина, он недоверчиво прищурился.

– Издалека едете, наверное? – заговорил первым Иван Алексеевич.

– Да не то чтобы, – сквозь зубы процедил рабочий, тонкой струйкой выпуская табачный дымок.

– Тогда зачем машине водитель? – удивился Лесин.

– А с чего ты взял, что я водитель? – усмехнулся бородатый мужчина.

– Дак, зачем бы ты еще здесь был?! – Иван Алексеевич тоже решил отбросить вежливость и перешел «на ты». – Не на экскурсию же к Калабину приехал!

Мужчина внимательно осмотрел Лесина, его дорогой костюм, галстук, стоящий неподалеку лимузин и, верно, счел его заслуживающим доверия.

– Я экспедитор, – небрежно отодвигая полу своей синей куртки, мужчина обнажил кобуру с оружием. – Груз ценный, положено сопровождать.

- Понятно. А где ж принимающая сторона?

- А! - хитро улыбнулся экспедитор. - Скоро увидишь!

Огромная клешня уже сняла контейнер с автомобиля, разместив его в паре метров от грузовика. Закончив свою работу, она поднялась на свое исходное положение.

Мужик бросил сигарету наземь, аккуратно раздавил ботинком и направился к кабине.

- Ты только сразу не уезжай! - окрикнул его Иван Алексеевич. - У меня к тебе пара вопросов будет.

- Ладно...

С характерным тарахтением двигателя внутреннего сгорания фура выехала из клетки и остановилась в нескольких метрах от Лесина. Опустив стекло, бородатый высунулся из кабины и довольно кивнул Ивану Алексеевичу в сторону клешни:

- Смотри, сейчас самое интересное будет!

В огромном ангаре приподнялась сдвижная дверь, из которой выехали два небольших, ниже человеческого роста, робота. Несмотря на гусеничную тягу, они шустро мчали по асфальтовой дорожке, таща за собой большую четырехколесную тележку, не более полуметра высотой. При их приближении открылась внутренняя сторона клетки, и они ловко затащили внутрь свой транспорт, поставив его ровно рядом с контейнером. Тут же проснулась клешня, ухватила контейнер и водрузила его на подготовленную площадку. К этому моменту гусеничные роботы уже ожидали с другой стороны. Стоило клешне вернуться на базу, как роботы зашуршали со своей поклажей в сторону ангара.

- И так каждый раз?

- Ага! - со знанием дела ответил мужик.

– Выходит, ты самого маэстро ни разу и не видел? – с некоторой издевкой спросил Иван Алексеевич, понимающий, что дела его снова становятся худыми.

– Отчего ж, видал я твоего маэстро. И не раз даже!

– И где же?

– Да в полях окрестных! Любит он ромашки пособирать, да горизонт поразглядывать! – мужик рассмеялся и поднял стекло.

Натужно выпустив облако дыма, фура тронулась, оставив Ивана Алексеевича наедине с калабинским забором.

– Что за бред?! – разговаривал Лесин сам с собой. – Ромашки? Горизонты? Это что, шутка такая была?!

Решив все-таки проверить эту версию, Иван Алексеевич вернулся к своей машине. Усевшись на заднее сиденье, он некоторое время думал, как объяснить компьютеру, что ему нужно не в какую-то определенную точку назначения, а просто поколесить по близлежащим дорогам.

– Подать экран! – не найдя изящного решения, скомандовал он. – Позиционировать текущее местоположение! Карту-спутник! Сюда! – он ткнул пальцем на дорогу около ближайшего поля.

По пути до первой же «точки» компьютер объявил Ивану Алексеевичу, что автомобилю срочно требуется подзарядка, а потому вместо пункта назначения пришлось ехать на электроколонку.

Воткнув шнур в розетку, Лесин зашел в призаправочный магазин – небольшое помещение, где в старом стиле хозяин заведения продавал всякие мелочи – воду, печенье, шоколад, а кроме того брал деньги за посещение туалета.

Купив пару бутылок «Кожановской» и плитку горького шоколада, Лесин завел с хозяином беседу:

– Давно тут работаете?

- Давненько. Уж десять лет как точно работаю.

- Наверняка тогда знаете Калабина?

- Как же не знать!? Знаменитость наша! И заглядывает ко мне частенько!

- Вот как?! - удивился Иван Алексеевич. - Так вы, получается, друзья?

Старик довольно захихикал.

- Нет, другом я бы его не назвал! Просто любит он погулять здесь рядышком, ко мне ж заходит чайку горячего выпить, если зимой дело, или водички минеральной, если как сейчас, летом...

«Выходит, не шутил, мужик, - решил про себя Иван Алексеевич. - Значит, цветочки... Когда же ты тогда, Петр Леонидович, делами своими занимаешься?»

- Прямо вот здесь, рядом? Погулять, в смысле?

- Ну да, вот здесь, - старик не совсем понял заданного ему вопроса. - Места тут красивые, богатые...

- Может, есть у него особо любимые? А то я ищу его как раз, а он, негодяй эдакий, разгуливает где-то!

- Да отколь же мне знать? - хозяин вновь нервно захихикал. - Я б на холме искал.

- На холме? Почему же?

- Очень красиво там!

Идея с холмом показалась Лесину неплохой. Не то чтобы он верил в притягательность красоты этого холма. Молодой человек верил лишь в то, что если на него забраться, то будут хорошо видны все окрестности.

– Хорошо, отец, показывай свой холмик!

Каково же было удивление Лесина, когда, поднявшись на вершину поросшего луговой травой холма, он увидел своего старого знакомого. Калабин, в своих неизменно белом халате и синих джинсах, лежал на спине, раскинув в сторону руки. Рот его был приоткрыт, тело неподвижно. Судя по всему, он спал.

Облегченно вздохнув – все-таки Иван Алексеевич совсем не ожидал, что разыщет свою цель так быстро – он подкрался к спящему и аккуратно сел с ним рядом.

Лесин отметил, что с вершины вид на самом деле открывался шикарный. Бескрайний горизонт, ветер гоняет волны по зеленым полям, мерно запевают сверчки в траве. Тихо.

Приблизительно через полчаса профессор проснулся. Увидев рядом Лесина, он не сразу понял, что и к чему и, приподнявшись на локтях, некоторое время крутил головой по сторонам.

– Ваня, ты, что ли?

– Я, Петр Леонидович! Не ждали? – Лесин дружелюбно улыбнулся.

– Нет, Вань... не ждал, – ответил Калабин и снова лег на спину. – Теперь, выходит, и тебя прислали... Засранцы...

– Вроде того.

Внешне с последней их встречи профессор почти не изменился. Все те же взъерошенные волосы, та же двух-трехдневная небритость, та же поджарость. Только глаза... Они больше не сверкали; погасли.

– И что думаешь делать? – спросил лежащий с закрытыми глазами Калабин и после короткой паузы медленно, почти безучастно добавил: – Уговаривать или угрожать?

– Да полно вам, Петр Леонидович, ерунду нести, – Лесин по примеру Калабина облокотился о траву, вполне отдавая себе отчет, что случится после этого с его пиджаком. – Поговорим просто с вами, пообщаемся, а своим я скажу, что не вышло. О вашем упрямстве и так уже легенды слагают, так что строго меня не осудят.

– Разумно, – согласился с ним профессор. – А ты хотел о чем-то важном поговорить? – и снова после паузы: – Или так – о том, о сем?

– Особой темы у меня нет, хотя, признаться, глупо не вытянуть из вас какую-нибудь мудрость. Раз уж шанс такой представился.

Калабин усмехнулся.

– Вот решили вы оставить большую робототехнику, – рискнул сделать первую попытку Лесин. – Ведь наверняка неспроста решили, наверняка ведь есть за этим решением скрытая мудрость. Верно, же, Петр Леонидович?

– Нет, Вань, думаю, никакой мудрости в этом не было.

– То есть вы жалеете об этом решении?

– Решения, решения, решения... – протянул маэстро, садясь на землю и медленно обхватывая для равновесия свои испачканные колени. – Как ни крути, я ведь не мог принять другого решения... другого, помимо того, что принял. А раз так, Вань, то какой смысл жалеть об этом? Понимаешь?

Лесин был не очень силен в философских рассуждениях, зато благодаря хорошей осведомленности о Калабине и его работах сумел быстро найти достойное продолжение:

– Ага, профессор! – он хитро улыбнулся. – Вы, кажется, изменяете своим собственным убеждениям! Разве не помните?! «Божья искра» – ваша статья на сайте «Острие науки»!

В своей статье, озаглавленной «Божья искра», написанной около двадцати лет назад, тогда еще молодой Калабин рассуждал о детерминизме человеческого

сознания. Молодым ученым, только удостоившимся очередной награды, была выдвинута концепция «божьей искры» – способности, данной людям Творцом, принимать решения на основе собственной воли. Не всегда, а хотя бы в одной десятой процента случаев. Если в нас есть эта «искра», то каждый из нас – субъект воли, от которого зависит будущее человечества и всего материального. Тем не менее, поскольку эмпирически доказать или опровергнуть существование в нас «божьей искры» было невозможно, вся статья так и осталась в формате гипотезы.

Тогда научное сообщество дружно посмеялось над философскими потугами молодого кибернетика, однако Лесин знал, что еще семь лет назад маэстро робототехники твердо придерживался тех же самых взглядов.

– Да, Вань, – устав держать свои колени, профессор завалился на бок, подперев голову левой рукой, – долгое время мне хотелось верить в это... и я верил, – профессор поднял левую бровь, как будто говоря «а почему бы и нет?» – Но позволь спросить тебя...

– Конечно, – профессор говорил так медленно, что Лесину приходилось отвечать тогда, когда вопрос, собственно, еще и не был задан.

– Позволь, однако спросить тебя... что, по твоему мнению, значит принимать безусловные решения? Как ты себе это представляешь?

– Ну... – Иван Алексеевич задумался. Как ему казалось, в вопросе маэстро не хватало конкретики, точности, – думаю... способность отбросить все внешние факторы и причины и решить самостоятельно, независимо... Пойдет?

С улыбкой профессор отрицательно помотал головой.

– Задумайся, Ванюш, разве могут быть эти твои самостоятельные решения не обусловленными? Твоими принципами, предпочтениями, опытом... Всем тем, что наполняет твое «Я» до момента принятия решения. У? Думаешь, все-таки могут?

– Хитро вы, Петр Леонидович загнули!

– Оцени, Вань, парадокс... Мы под любыми предлогами отрицаем детерминизм, придумываем для этого странные теории... вроде моей «божьей искорки»... А на самом деле мы так плотно увязли в нем, в этом детерминизме... что даже не можем помыслить принятие необусловленных решений. Какие мы забавные создания, верно?

Закончив свой маленький монолог, профессор улыбнулся, но улыбнулся не победоносно, как бывает при словах «что и требовалось доказать», а печально, почти обреченно. Засунув в рот молодую травинку, он начал медленно водить ею из стороны в сторону.

– Профессор, а что если вы слишком торопитесь с выводами? Что, если мы все-таки допустим существование «божьей искры»? Понимаю, вы, наверное, уже обо всем подумали, но почему бы нам не порассуждать?

– Можно и порассуждать... Отчего ж нет?

Калабин замолчал и с каким-то опустошенным взглядом уставился вдаль, очевидно, давая понять своему собеседнику, что рассуждать придется прежде всего ему самому. Это в планы Ивана Алексеевича не входило:

– Петр Леонидович, боюсь, я не готов самостоятельно вести такое рассуждение... – Лесин заискивающе улыбнулся. – Может, объясните мне попростому, как вы умеете?!

– Может... – профессор снова выдержал продолжительную паузу. – Вот смотри, Вань... Вот твое будущее решение, – он начертил в траве круг, – что на него влияет?

– Да много чего.

– Первое – различные внешние факторы. Все, что ты видишь, слышишь, обоняешь... в общем, все, что сообщает тебе тело в момент решения. Понимаешь?

– Пока вроде понимаю, профессор.

– Супер.... Тогда второе – это то, что есть ты сам за мгновение до принятия решения. Принципы, чувства, прежние мысли. Я вроде уже говорил – все то, что составляет твое «Я». Ну и третье...

– Божья искра?

– Да, ради эксперимента пусть будет она. И вот мы исключаем внешние факторы, исключаем твое «Я», и... остается что-то, позволяющее принять решение в отрыве от тебя самого и всего внешне материального. Так?

– Вроде...

– Великолепно... Давай теперь подумаем, как это может получиться... У меня только два варианта. Либо это воля Божья, что, как ты и сам понимаешь, не делает тебя субъектом решения. Либо хаос, воля случайности, как антоним детерминированности. И заметь, Вань, опять ты ни при чем. Получилось, что божья искра, если она и есть, это не часть тебя, а еще один внешний фактор. А ты как был предельно детерминированным, так и остался. Блямсь! – он шлепнул внешней стороной правой ладони по своей левой.

Этот «блямсь» ранее был любимым словечком Калабина, которое он вставлял каждый раз, когда заканчивал какое-то объяснение или доказательство. Откуда оно пошло, никто уже не помнил – ни его бывшие коллеги, ни он сам, однако оно так прочно пристало к нему, что его иногда даже называли «Профессор Блямсь».

– Ну что, теперь понятней объяснил?

– Как-то мне, Петр Леонидович, такой вывод не нравится... – совершенно искренне, не пытаясь достичь иных целей, заявил Иван Алексеевич.

– И верно, Ваня... скверный вывод... Чтобы вырваться из детерминизма сознания, нам надо освободиться от времени... А этого, – профессор с усмешкой вздохнул, – мы, люди, никогда не сможем...

Замолчали. Лесин прокручивал в голове доводы профессора, старался найти в них какую-то брешь, какой-нибудь контраргумент, как из кармана пиджака слышался вызов. Характерные три коротких гудка, пауза, потом еще три.

Такой сигнал был привязан у Ивана Алексеевича к очень важным персонам, отвечать на вызов которых надо было незамедлительно.

Дрожащей рукой он одел коммуникационные очки и спешно встал. Вызов был от премьер-министра. Понимая, что он не сможет одновременно общаться с премьер-министром и обрабатывать Калабина (хотя нить «обработки» к тому моменту уже была утеряна), он впал в смятение. Плохой прием понуждал его идти к лимузину, а нежелание упустить маэстро удерживало его на месте. В конце концов он сделал неуверенный шаг спиной назад, по направлению к машине, одновременно вытягивая руку к Калабину, инстинктивно пытавшуюся удержать его на месте.

– Завтра, здесь же, в это же время, – ответил, едва улыбнувшись, маэстро, спешно встал и начал спускаться с другой стороны холма.

IV

Возвратившись в отель и за неимением обеда плотно поужинав, Иван Алексеевич вернулся к их сегодняшнему с профессором разговору. Поначалу он хотел лишь подготовиться к завтрашней встрече – подсобрать больше аргументов, вопросов, которые помогли бы «растопить» вдруг возникший между ним и Калабиным лед, а уже после того, как взаимное доверие будет восстановлено, вновь вернуться к центральной теме.

Постепенно, по мере проверки детерминизма на все новых и новых примерах, настроение Ивана Алексеевича стало портиться, в конечном итоге дойдя до состояния какого-то внутреннего страха. Лесина ужасно пугала идея, что каждая его мысль возникает потому, что должна возникнуть, потому что другой быть не могла. А это, в свою очередь, означало, что все достижения Ивана Алексеевича, все его успехи – это всего лишь неотвратимое стечение обстоятельств, а вовсе не его заслуга и успех. Может, и Божья воля, но никак не его собственная...

Все это виделось Лесину чертовски унылым, заставляя искать спасительные соломинки, которые бы вернули ему прежнее душевное спокойствие и определенность. Одно было ему совершенно непонятно:

«Пусть даже все predetermined, допустим, это так... Как же это стыкуется с тем, что я каждый раз ярко ощущаю свой выбор, свое решение? – спрашивал он сам себя, расхаживая по своему номеру взад и вперед. – Вот держу я ложку, – Лесин брал со стола чайную ложку и направлял ее то вправо, то влево, – ведь я сейчас отчетливо решаю, махнуть ей вправо или влево. Я ведь волен сделать как угодно, и если это не решение, то что же это тогда?!»

Ставя себя на место профессора, он быстро находил контраргументы:

«Направил вправо, потому что в пользу «права» было больше факторов. Может, удобнее, а может, право мне просто нравится больше, чем лево... И поскольку я всех этих факторов не знаю, мне кажется, что это я решаю... а не слепая судьба, подсовывающая нам одно решение за другим... Блямсь!»

Решив, что, вероятно, именно это ему Калабин завтра и скажет, он даже подумал, не купить ли ему бутылку вина. Иван Алексеевич ненавидел алкоголь – он замутнял его сознание, делал глупым, уязвимым, и это крайне его раздражало. Поэтому, когда по долгу службы ему приходилось выпивать, Лесин заранее принимал таблетки, нейтрализующие действие спиртного.

Теперь дело виделось ему иначе. Иван Алексеевич рассудил, что если от него самого ничего не зависит, то не так уж важно, выпьет он завтра или нет. И вообще, вероятно, решение выпить или не выпить уже принято (в будущем), а он лишь идет к нему извилистыми путями мысленных размышлений.

Душевные переживания ожидаемо не дали Ивану Алексеевичу нормально выспаться. Всю ночь его мозг усиленно работал, и даже во сне он вел сам с собой диалоги, пытаясь, с одной стороны, опровергнуть клятый детерминизм, а с другой – разрушить все выдвинутые против него опровержения. К несчастью Лесина, даже во сне он приходил к тому, что нет ничего отчетливо доказывающего нашу свободу выбора или воли. Даже их потенциальное наличие.

Погода в тот день выдалась ненастная: лил дождь, хлестал ветер, похолодало. В соответствии с погодой Лесин заказал в буфете стопку бутербродов и пару термосов с кофе. Уже сделав несколько шагов по направлению к выходу, он вернулся и попросил еще небольшую, на сто грамм бутылку коньяка и чайную ложку. Последней просьбе официант удивился, но любезно согласился в обмен

на обещание вернуть ее в целости и сохранности в отель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/parov_rostislav/bozh-ya-iskra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)